

Анатолий Агарков

*Двое в лодке,
считая собаку*

Электронная версия

Двое в лодке, считая собаку

*Если ты не запутался полностью,
значит, ты мыслишь недостаточно ясно.
(А. Питер)*

Отец был в санатории. Маме сказал, что уезжаю на институтскую практику и начал собираться. Нашёл в сарае свёрнутую лодку – мою бывшую резиновую постель. К ней весло пластмассовое с ластой-лопастью и сделанный отцом насос. Прихватил «кошку» с длинной верёвкой – будет якорем служить. Сеть выбрал покороче, нож, топорик, котелок походный с дужкой, спички не забыл. Сунул в рюкзак одеяло, штормовку, носки шерстяные, свитер и трико. В мешок с лодкой добавил ружьё в чехле и полный патронташ. Стащил из дома сухарей, вяленых карасей, соли упаковку – на всякий пожарный, думал, хватит: всё остальное добуду в пути. Амуницию сложил в дровенник – удобно взять, поел и завалился спать. Маме сказал, что поезд ночью.

Проснулся сам без всякого зарока – звёздная ночь царствовала на дворе. Оделся, задержался у порога – послал родному дому последнее «прости». Моряк скулил, в компанию просился – и как было не взять? В затеянном походе товарищ нужен, и вещи кому-то нужно охранять.

Всё сразу можно было бы поднять, но унести не хватит рук и места на плечах. Взвалил на спину мешок с лодкой, доску-днище под мышку взял. Улица спала, и даже телевизоры в окнах не мигали. Под подошвами пронзительно скрипели засохшие почки тополей, будя собак. Фонарей не было, тонкий месяц и перемигивающиеся звёзды не лили света на дорогу, но я её знал. Опустил ношу у берега канала, сказал собаке – охраняй! – а сам за остальным.

Не мало времени потратил, собирая лодку – засовывая в петли дно. Потом качал, не торопясь, путы расправляя, потом грузился. Ну что, торжественный момент – «Санта Мария» к плаванию готова. Вперёд, Моряк, иль ты домой?

Лодка на воде, я на корме, собака на баке. «Братва» и мусора не поминайте лихом, если чем не угодил – Анатолий

Агарков достоин лучшей доли, что вы готовите ему. Мы ещё поборемся за жизнь и за свободу. Как классики учили – каждый день надо идти за них на бой, а я и ночь для этой цели прихватил.

Когда канал копали, насквозь прошли всё Займище, лиман взбугрили, вскрыли проход через Октябрьскую улицу, трубы заменили. Теперь он полон был водой, а шириною метров шесть. По логике вещей течение должно нести меня вперёд, но что-то где-то не срасталось – то ли было оно незаметным, то ли тина с ряской цепляли лодку. Взялся за весло.

Как там, у классика – тиха украинская ночь.... А, нет – чуден Днепр при ясной погоде....

Выпотрошенное Займище тихо шелестела камышами. Лягушки переругивались сквозь дремоту. Что-то плеснулось впереди – ондатра? утка?

- Тише, Моряк, не бултыхнись.

И не вздумай лаять – мы, брат, теперь с тобой как партизаны: нам много шума ни к чему.

Скоро берега сошли на нет, уступив место камышам. А справа, за его куцей полосой, открылась гладь воды – должно быть, уцелел какой-то плёс. Кругленький или Третий? Первый-то до дна спустили – я там лодку надувал. Белое пятно на тёмном фоне – наверное, лебедь прикорнул, уткнувшись головою под крыло. Спи, царственная птица, мы не браконьеры.... Пока что, а там видно будет – голод не тётка, заставит взяться за ружьё.

Плывём прямою, как стрела, протокой в камышовых берегах. Когда-то они были твёрдыми – побегали же мы по ним, но дожди и весенние половодья размыли поднятый со дна ил. За спиной небосвод светлеет, звёзды блекнут над головой. Чёрт! Успеть хотел до рассвета пройти болото и забраться в лес.

Перекрёсток водных артерий – под прямым углом два пути. Тот, что вправо – к Большому плёсу. Ну, а нам налево,

к дороге, чтобы волоком её пройти. Повернул на юг, а с востока настигает уже рассвет. Отлетели звёзды ввысь, затупился серп луны - видно, как в первых лучах облака греют бока. Поднимаются берега. Желтеют проплешины глины, не затянутые травой. Кусты вытеснили камыш.

Стало совсем светло – где-то невидимое солнце вышло из-за горизонта. Парит вода туманом. Немного не успел к дороге. Да чёрт с ней! Отсижусь в кустах, а ночью переправлюсь. Боже, как устал! Часа четыре без роздыха этим веслом махал. Точно, сейчас пожую чего-нибудь и завалюсь-ка спать.

Но летние ночи коротки, и не урочны рассветы – тихо, слышу, на дороге, медленно приближаясь. Наверное, через час, а то и ещё позже начнётся на ней движение, ну, а сейчас-то можно пересечь её без затруднений.

Вот они, жерла труб, зарытые под асфальт, спустившие наше Займище в Ледовитый океан. Эх, знать бы тогда, что будет, забили бы мы им пасть, землёй закидали, карбидом взорвали – что-нибудь да предприняли.

Ну, что, Моряк, на мины? Прорвёмся, не дрейфь, старина!

Причалил лодку. Поднялся на полотно - из Южноуральска к кладбищу проложено оно, и дальше на аэродром. Асфальт росой умылся, тихо на нём – никого. Впрочем, всё это игры – я ещё не изгой. Просто машины здесь гоняют часто, а лодку тащить нелегко – вот и страшусь попасть под колёса, а более-то ничего.

Спустился к «Санта Марии», шкерт намотал на кулак, через плечо перекинул – ну, что, Никитушка Ломов, Репина позвать? Он нас бы увековечил, деньги сорвал за холст, а после в дымной таверне кружку поднёс и хвост. Копчёной селёдки.... я проглотил слюну. Сейчас переедем и сядем обедать.... завтракать,... словом, есть.

Конечно, самое трудное - подъём на высокий берег, но лодка со всей поклажей весит всего ничего.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php